

Москва в лицах

Архипелаг судьбы

ЗА КАЛУЖСКОЙ заставой строить новую Москву начали в предвоенные годы, успели сделать немного, продолжив начатое сразу после победы. Вот тогда по проекту маститого архитектора А. Аркина на левой стороне Большой Калужской улицы и по проекту столь же маститых архитекторов Е. Левинсона и И. Фомина на правой стороне быстро соорудили два полукруглых монументальных здания, похожих друг на друга как близнецы не только очертаниями, высотой, но и возвышающимися над крышами одиннадцатиэтажными башнями с колоннадой, скульптурами.

Башни задумывались как въездные парадные ворота с Юго-Запада, со Внуковского аэродрома, еще тихого в те годы, когда сооружались дома.

В год, когда доставили сюда из Бутырской тюрьмы эзку Солженицына, проспекта не существовало, Москва по сути кончалась у Калужской заставы. На ней-то и находился Калужский лагункт, маленький сравнительно, примкнувший к Нескучному саду. Адрес для писем сюда был такой: Большая Калужская, 30, стройка № 121. Ныне это Ленинский проспект, 30. Еще один ориентир дома — в нем находится магазин «Спартак», где многие покупали всякие спортивные товары...

Вот это-то дом № 30 и был самым натуральным лагерем, суверенным островком «Архипелага», разместившимся на виду у прохожих и пассажиров, следовавших на троллейбусах №№ 4 и 7.

На Большой Калужской пришлось поработать свыше десяти месяцев. Лагерь этот описан в художественной форме — в пьесе «Олень и шалашовка», в документальной — в «Архипелаге ГУЛАГе». Герой пьесы бывший офицер - фронтовик, бывший студент института философии, истории и литературы Родион Немов. Таких, как он, бывших фронтовиков в гимнастерках со следами спортивной погон, с орденами и медалями, уголовники называли оленями. По прибытии Родион обращается к начальнику лагеря: — Гражданин начальник! Я — фронтовой офицер, опыт руководства людьми имею, в делах производства постараюсь разобраться.

С такими словами прототип Родиона Немова — Александр Солженицын действительно обратился, но только к начальнику Ново - Иерусалимского лагеря...

На Большой Калужской он не стремился уже быть начальником, поняв, что фронтовой навык руководства людьми никакого значения не имеет для тех, кто попадает за колючую проволоку.

«После опыта Нового Иерусалима, — пишет А. И. Солженицын, — усвоив, что быть командиром производства — занятие гнусное, я при переезде меня в следующий лагерь, на Калужскую заставу, в самую Москву, — с порога же, прямо на вехе, сохранил, что я нормировщик (слово это я в лагере услышал впервые; сном и духом еще не знал, что такое нормирование, но надеялся, что по математической части)».

Однако вместо нормировщика назначили прибывшего «заведующего производством», опять-таки определили на командную должность: так гипнотически действовала еще не изношенная офицерская длиннополая шинель заключенного. И здесь не удержался на высоте, через неделю свалился с нее, оказавшись на рядовой работе — маляром.

Жить стало значительно легче, чем в Новом Иерусалиме, спать довелось на заправленной постели. А главное — могла приезжать повидаться жена, привозить передачи...

Из окна комнаты общежития видел Александр Исаевич Нескучный сад, московские снежные метели, приход весны, устремлявшихся в укромные уголки старинного парка влюбленных...

Заключенные Калужского лагеря обитали в том самом доме, который соорудили. Поэтому Александр Исаевич был вправе считать себя не только строителем здания, где пришлось трудиться маляром, нормировщиком, плотником, но и его жильцом. В этом доме - тюрьме он томился осень 1945-го, зиму, весну и лето 1946 года.

Став известным писателем, живя в Москве, позволяя себе в редкие часы отдыха поездку из настоящего в прошлое, чтобы «побывать в своем лагере». Вот что по этому поводу читаем в «Архипелаге ГУЛАГе».

«...Для измерения масштабов жизни так это полезно — окунуться в безыходное прошлое, почувствовать себя снова тем. Где была столовая, сцена и КВЧ (культурно - воспитательная часть. — Ред.) — теперь магазин «Спартак». Вот здесь у сохраненной троллейбусной остановки была внешняя вахта... Вот линейка разводов. Вот тут ходил башенный кран. Напольный... По асфальтовому двору идут, гуляют, разговаривают о мелочах — они не знают, что ходят по трупам, по нашим воспоминаниям. Им не представить, что этот дворик мог быть не частью Москвы в двадцати минутах езды от центра, а островочком дикого Архипелага, ближе связанного с Норильском и Колымой, чем с Москвой. Но и я уже не могу подняться на крышу, где ходили мы с полным правом, не могу зайти в те квартиры, где я шпаклевал двери и настилал полы. Я беру руки назад, как прежде, и расхаживаю по зоне, представляя, что выхода мне нет, только отсюда до сюда, и куда завтра пошлют — я не знаю. И те же деревья Нескучного сада, теперь уже не отгороженные зоной, свидетельствуют мне, что помнят все, и меня помнят, что так оно и было.

Я хожу так, арестантским прямым туником, с поворотами на концах, — и постепенно все сложности сегодняшней жизни начинают оплавляться как восковые.

Не могу удержаться, хулиганю: поднимаюсь по лестнице и на белом подоконнике, полмарша не дойдя до кабинета начальника лагеря, пишу черным: «121-й лагучасток».

Пройдут — прочтут, может, задумаются».

В этом лагере некий настойчивый сотрудник органов сумел-таки вынудить еще не закаленного эзку Солженицына подписать обязательство «сообщать оперуполномоченному лагучастка о готовящихся побегах заключенных», получив от него в результате такой договоренности первый псевдоним — Ветров.

Уголовников Александр Исаевич люто ненавидел, не раз вступал с ними в стычки, рискуя головой, резко высказываясь

об этом племени, потому дал такое тайное обязательство, посчитав что «продал душу для спасения тела».

Однако ничем больше оперуполномоченного «Ветров» не порадовал, заключенные в спор не вступали. А побег случился: перемахнул через забор один вор и прямым ходом из Москвы направился в Сочи на гастроли, о чем уведомил открытой бывших охранников, проглядевших беглеца.

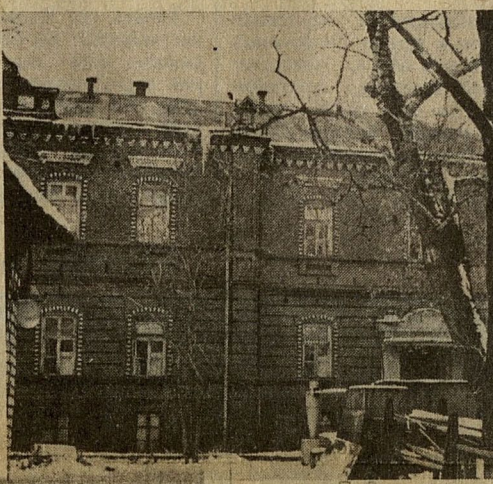
Что было бы дальше — остановился бы настойчивый оперуполномоченный на достигнутом или постарался развить успех — никто, даже автор «Архипелага», не знает, потому что вскоре после этого падения эзку Солженицыну велели собраться с вещами.

«А тут по спецнаряду министерства выдернули на шарашку. Так и обошлось. Ни разу мне больше не пришлось подписываться «Ветров». Но и сегодня поживаясь, встречаю эту фамилию».

То есть перевели в тюрьму особого рода — научно - исследовательский институт, использовавший труд заключенных специалистов.

В какую именно шарашку? В «Архипелаге» на этот вопрос нет ответа, как и вообще нет рассказа об этом и других «райских островах», поскольку подробно, в деталях поведал о них «В круге первом». Романист побывал в 1946—1950 годах в нескольких шарашках, куда доставляли со спецконвоем, в обычных поездах. Никому из пассажиров в пути он не казался странным; оружие не бросалось в глаза, отношения между заключенным и его сторожами выглядели корректными, обращались на «вы», осужденному рекомендовалось держаться свободно, как вольному. Никто из попутчиков в поезде не догадывался — кто же на самом деле словоохотливый попутчик, знаток пословиц и поговорок, бывалый фронтовик и мастер на все руки.

За что такую честь оказали эзку Солженицыну? После взрыва в 1946 году американцами атомной бомбы МВД форсировало работы по созданию аналогичного оружия, бросив на это дело все интеллектуальные резервы, имевшиеся в лагерях. Среди заключенных распространили анкету с вопросом о специальности. Опытные заключенные, получив шанс освободиться от тяжелых каторжных работ, спешили сообщить, что владеют профессией парикмахера, порт-

Здесь была шарашка.

ного, повара и так далее, которые нужны везде, где скапливается гуща людская.

Что ответил на вопрос анкеты эзк Солженицын?

«А я прищурился и написал: «Ядерный физик». Ядерным физиком я отроду не был, только до войны слушал что-то в университете, названия атомных частиц и параметров знал и решил так написать. Был год 1946-й, атомная бомба была нужна позарез. Но я сам той карточке значения не придавал, забыл».

И вытасил счастливый билет. Прошло несколько месяцев после заполнения анкеты... На одном из разводов, когда плотник Солженицын, страдая от боли в пальцах, переставших разгибаться, не успевших привыкнуть к плотницкому инструменту, вдруг услышал от нарядчика ошарашившие его слова:

— Ты знаешь, по распоряжению министра внутренних дел...

С Калужской заставы везут в знаменитую Бутырку.

На этот раз заключенный попадает сюда на два месяца, ожидая направления в шарашку как «ядерный физик» в большой камере №75. Рассчитанная на 25 арестантов, эта камера набивалась телами восьмидесяти человек. Как новичку пришелся Александру Исаевичу по прибытии ночью расположиться на самом неудобном месте, у параша: идея по нужде, каждый перешагивал через него.

Утром после пробудки в этой камере к нему подошел незнакомый ширококостный исхудавший человек с носом ястреба и представился:

— Профессор Тимофеев - Рессовский, президент научно - технического общества 75-й камеры. Наше общество собирается ежедневно после утренней пайки около левого окна. Не могли бы вы нам сделать какое-нибудь научное сообщение? Какое именно?

Еще не пришедший в себя после вытаскивания из лагеря, с пальцами в ссадинах, вчерашний плотник вспомнил, что прочитал за две ночи на Калужской заставе принесенную кем-то с воли книгу Смита — отчет военного министерства США о первой атомной бомбе. По-видимому, знания, почерпнутые в этой книге, дали основание назваться в анкете «ядерным физиком»...

Так состоялась первая лекция Солженицына в Бутырской тюрьме. Читал он на других заседаниях стихи Есенина, мало кому тогда известные, практически запрещенного и не публиковавшегося в те годы поэта. Сам начал писать стихи в этой камере...

И слушал лекции, рассказы Тимофеева-Рессовского, известного теперь многим по роману Даниила Гранина «Зубр».

В камере Бутырки познакомился с Николаем Андреевичем Семеновым, одним из создателей Днепротреста, физиком Виктором Коганом, композитором Виктором Клеппнером, православным проповедником Евгением Ивановичем Дьяниным, с которым часами вел диспуты все еще как марксист.

Отоспавшись на нарах, пройдя двухмесячный курс бутырских наук, «ядерный физик» получил распределение в шарашку. Недолго, три месяца, работал в Загорске. Оттуда снова попал в Бутырку, служившую тогда пересыльной тюрьмой для специалистов, направлявшихся в конструкторские бюро и институты. Несколько месяцев провел в Рыбинске как математик. «И работа ко мне подходит, и я подхожу к работе», — писал оттуда же.

Из Рыбинска в пассажирском поезде снова доставили заключенного в Москву.

Вышли тогда на Северном (ныне Ярославском) вокзале. Снова, как в феврале 1945 года, повторилась прежняя ситуация: конвой города не знал. Опять пришлось заключенному вести себя самому в тюрьму. В четвертый раз направлялся в, можно сказать, родную Бутырку, на Новослободскую улицу.

Отсюда путь снова в северном направлении, но совсем-совсем недалеко, туда, где ныне маячит Останкинская телевизионная башня.

Вот здесь, на Владыкинском шоссе, где ходил городской автобус, у деревни Марфино, располагалась Марфинская спецтюрьма, она же НИИ связи, где заключенный А. И. Солженицын прожил не месяцы, а годы.

Размещалась тюрьма в здании, построенном до революции для духовной семинарии, позднее перешедшем к детскому дому. Работал Александр Исаевич за письменным столом в светлой комнате, как если бы ходил на службу в обычный институт, жил в общежитии, где стояли кровати в два этажа. Мог ночью, лежа в постели, надев наушники, никому не мешая, слушать концерты радио Москвы.

В Марфине не приходилось голодать, есть баланду, суп из крапивы, кое-что удавалось даже прикупить, например картошку, разрешалось жарить ее самому на электроплитке. Здесь встретил начальника тюрьмы, которому воздал должное на страницах «Архипелага», подполковника Цуканова, охарактеризовав его словами «очень хороший эмвешник», от которого никто из заключенных никогда не видел зла, только добро. В Марфине встретился бывший студент института истории, философии и литературы с бывшим доцентом этого института Львом Копелевым, ставшим близким другом. Под именем Льва Рубина он представлен «В круге первом».

В Марфине начались «тайные занятия», о которых знали только друзья, делались выписки из книг, на крохотных листках записывал Александр Исаевич мысли, делал заготовки будущих романов и повестей.

Где была эта самая шарашка, не сохранилось ли ее здание, по-видимому, прочное, поскольку предназначалось для духовного учебного заведения?

Не только Владыкинское шоссе поменяло название, теперь это Ботаническая улица, но и территория в стороне от него, где находилась деревня и два лагеря, кардинально изменились.

Если присмотреться, то на углу Ботанической и улицы Академика Комарова (на месте Останкинского леса, основанного Ботанический сад, окруженный ныне красивой оградой с башенками) можно заметить, как автобусы берут небольшой подъем. Шоссе возвышается над тротуаром, протянувшимся у ограды научно-исследовательского института. В разрыве между его современными корпусами просматривается кирпичное двухэтажное здание с башней. На красном фоне выделяются побеленные карнизы; украшения фасада, часть окон — стрельчатые, какие бывали в церквях...

В институте подтвердили, что краснокирпичное здание с башней и есть исконная шарашка, бывший институт связи, от которого пошло современное предприятие, раскинувшееся у Ботанической улицы.

Войдя с крыльца под своды стен метровой толщины, попадаешь в коридор с высокими, метров пять, потолками, кое-где сохранились старые интерьеры. Вдоль коридоров тянутся двери комнат, где три года жил и работал будущий писатель...

В шарашке заключенные имели право на свидания с родными. Несколько раз в году встречи эти устраивались, однако, не в Марфине, а в Таганской и Лефортовской тюрьмах, в той же Бутырке, куда заключенных привозили.

Жизнь на «райском острове» раз и навсегда оборвалась 19 мая 1950 года.

К этому времени заключенный провел в неволе более половины срока. Но хотя хлебнул лиха, не познал масштабов народного горя, не увидел «особых» лагерей, где царил террор, голод, холод и болезни, рабский труд, где писались самые мрачные страницы истории «Архипелага».

В такой вот лагерь в Экибастузе прибыл по долгому этапу Александр Солженицын, утратив здесь все, что имел, в том числе свидания с женой. «От резкого изменения образа жизни сильно устаю», — писал он-то, что можно было писать ей, получив право на два письма в год!

Проходит время, и писать некуда — жена развелась с заключенным «Щ-232», вышла замуж.

В 1975 году Наталья Решетовская издала книгу, где высказала несколько версий о причинах перевода из Марфина. По одной из них выходит, что в шарашке ее бывший муж «тянул резину», отлынивал от работы, по другой — оказался между молотом и наковальней, втянутым в склоку двух начальников, и старший из них отправил его «на такую муку».

Касаясь рубежа, переломившего его тюремную жизнь, автор «Архипелага» пишет: «Середину срока я провел на золотом островке, где арестантов поили, кормили, содержали в тепле и чистоте. В обмен за все это требовалось немного: двенадцать часов сидеть за письменным столом и угрождать начальству».

А я вдруг потерял вкус держаться за эти блага! Я уже нащупывал новый смысл в тюремной жизни. Оглядываясь, я признавал теперь жалкими советами спецнарядчика с Красной Пресни — «не попадать на общие любой ценой». Цена, платимая нами, показалась несоразмерной покупке.

Тюрьма разрешила во мне способность писать, и этой страсти я отдавал теперь все время, а казенную работу нагло перестал тянуть. Дороже тамшнего сливочного масла и сахара мне стало — распрямиться.

И нас, нескольких, «распрямили» — на этап в Особый лагерь».

Что это за новый смысл в тюремной жизни? Что значит — распрямиться? Если речь идет о возможности писать, то ведь этой привилегии заключенный немедленно лишился в особом лагере. Почему исчез страх перед «общими» работами, ведь он испытывал их, в изнеможении, загружая вагонетки мокрой глиной — руками...

Позволю высказать еще одну версию. Солженицын к середине 1950 года укрепился в новой вере, приготовил себя к подвигу. Ему требовалось испытать чашу страданий до дна.

Это невозможно было на «райском острове». Вот почему простился со Львом Копелевым и другими друзьями. Впереди его ждала встреча с Иваном Денисовичем. Начались, по словам писателя, самые важные годы жизни.

Лев КОЛОДНЫЙ.

Окончание. Начало см. в № от 3 декабря.